

УДК 801

М.Ф. Кунтыш

Лексическая структура рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой»

В качестве одного из подходов к решению вопросов лингвистики текста И.Р. Гальперин называет стремление создать общую теорию текста путем изучения конкретных речетворческих актов, закономерностей их организации и функционирования, определение категориальных признаков каждого типа текста [1]. С помощью лингвистического анализа лексико-семантической организации художественного текста можно выявить повторимое, носящее характер общезыкового, и неповторимое, носящее характер индивидуального.

Цель данной работы заключается в представлении лексической структуры прозаического художественного текста. Исследовались такие текстообразующие факторы, как субъектно-предикатная система, лексико-тематические группы, распределение слов в тексте.

В текстообразовании анализируемого произведения активно участвуют номинации персонажей (имена собственные, обозначения по различным признакам и местоименные заместители). Как пишет Л.Я. Гинзбург, литературный персонаж – это серия последовательных появлений или упоминаний одного лица. Изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях, авторский анализ – все это постепенно наращивается, образуя определенное единство, функционирующее в многообразных сюжетных ситуациях. Формальным признаком этого единства является уже само имя действующего лица [2].

При представлении Гурова, от лица которого ведется повествование, не дается никаких сведений о его внешних и внутренних качествах. Обычны и довольно многочисленны обозначения героя по фамилии, таких обозначений, распределенных в тексте относительно равномерно, 34. Среди местоименных заместителей выделяется по количеству употреблений местоимение 3-го лица единственного числа (179 употреблений). Хотя повествование носит субъективный, в какой-то степени исповедальный оттенок, местоимений 1-го лица единственного числа, заменяющих имя собственное Гурова, мало (7 употреблений и 3 случая употребления глагола в форме 1-го лица единственного числа без соответствующего местоимения). Размышляя о своей жизни, герой как бы со стороны смотрит на самого себя. В обращении Анны Сергеевны «Мой милый, добрый, дорогой мой» проявляется ее отношение к Гурову («Анна Сергеевна привязывалась к нему все сильнее, обожала его ...») и дается оценка внутренних качеств героя в восприятии Анны Сергеевны («все время она называла его добрым, необыкновенным, возвышенным ...»). По количеству упоминаний Гуров превосходит других персонажей.

Героиня рассказа увиденна читателями глазами Гурова. Фраза с приложением (*молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете*) используется в первом абзаце для краткой характеристики внешнего облика героини, зрительно воспринимаемого Гуровым. Отсутствует здесь эмоционально-оценочная окраска внешности героини. Наиболее общие номинации по полу, возрасту и по зрительно воспринимаемым признакам сменяются в процессе движения от незнания ко все лучшему узнаванию в результате знакомства обозначениями по имени и отчеству, по имени и характеристиками с оценочной семантикой (*моя хорошая, очаровательная женщина*).

Обращает на себя внимание употребление местоимений 2-го лица *ты* и *вы* в обращении Гурова к Анне Сергеевне. В обращении на *ты* в номере ялтинской гостиницы проявилось вообще отношение Гурова к женщинам: «... о женщинах отзывался почти всегда дурно, и когда в его присутствии говорили о них, то он называл их так: «Низшая раса!» В обращении на *вы* в театре города С. проявляется осознание того, что «... для него теперь на всем свете нет ближе, дороже, важнее человека». В «Славянском базаре» «... он чувствовал глубокое сострадание, хотелось быть искренним, нежным...» И теперь другой смысл имеет обращение на *ты*.

Второстепенные персонажи – это муж Анны Сергеевны, жена и дети Гурова. Эти образы даны через восприятие главных героев. Второстепенные персонажи не так часто являются в тексте субъектами действий, но их присутствие постоянно ощущается героями и читателями, они олицетворяют собой ту «явную» жизнь, которая тяготит и Гурова, и Анну Сергеевну.

В структуре субъектов рассказа выделяется еще одно звено – женщины Гурова, который «... без «низшей расы» не мог прожить и двух дней». Обозначения женщин, встречаясь 26 раз, концентрируются в трех отрезках текста.

Значима в тексте лексико-семантическая группа обозначений отношений с женщинами в восприятии Гурова: *сближение, приключение, встреча, похождение, романы, связь*. Слово *приключение*, в частности, повторяется в различных контекстах. Приведем их: «... всякое сближение ... представляется милым и легким приключением ...» (6-й абзац), «и он думал о том, что вот в его жизни было еще одно похождение или приключение, и оно тоже уже кончилось, и осталось теперь воспоминание...» (36-й абзац); «Вот тебе и приключение...» (54-й абзац). И отношение к Анне Сергеевне неодинаково воспринимается Гуровым с течением времени, что получает следующее выражение: *мимолетная связь, роман, приключение, сладкое забытье, безумие, любовь*.

Рассмотрим, как меняется в сознании героя соотношение женщин и Анны Сергеевны от полного совпадения до резкого противопоставления. На первом этапе «... соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романе с неизвестной женщиной ... вдруг овладела им», т.е. Анна Сергеевна – одна из многих других.

Второй этап: намечается некоторое противопоставление героини другим женщинам Гурова. Лексическое выражение, в частности, это находит в союзе *но*, с которого начинается 20-й абзац («Но тут все та же несмелость, угловатость неопытной молодости, неловкое чувство...»). Необходимо отметить, что здесь, во-первых, повторяются лексемы 11-го абзаца (*несмелость, угловатость*), а во-вторых, находится описание проявления душевного состояния героини, воспринятого Гуровым не бесстрастно, не объективно, а эмоционально (это выражается лексически в оценочных и метафорических средствах: *опустились, завяли черты; печально висели длинные волосы; унылая поза; точно грешница на старинной картине*).

Наконец, резкая оппозиция: «Время шло, он знакомился, сходил, расставался, но ни разу не любил...» – «И только теперь ... он полюбил как следует, по-настоящему – первый раз в жизни». «Общая композиция рассказа отличается поистине притчевой простотой и целеустремленностью, – утверждает В.И. Тюпа. – Четыре главы его посвящены: сближению Гурова и Анны Сергеевны – их близости – новому сближению – новой близости» [3].

Отмечается периодичность появления в тексте рассказа номинаций частей тела, что связано, с одной стороны, с деконцентрированной портретной характеристикой чеховских героев, а с другой стороны, с тем, что номинации частей тела входят в обозначения жестов и мимики, которые являются одним из средств воссоздания душевного состояния персонажей. Портретные детали в рассказе значимы не сами по себе, а в качестве объекта оценки персонажем, проявления отношения одного персонажа к другому.

Периодический характер распределения свойствен номинациям объектов природы. Описания природы не выделяются в самостоятельные абзацы. Их роль сводится к тому, чтобы полнее раскрыть внутренний мир героя. Лексический состав таких абзацев представлен наименованиями объектов природы и обозначениями внутреннего состояния. Интересным представляется замечание Л.Н. Андреева: «Чехов одушевлял все, чего касался глазом: его пейзаж не менее психологичен, чем люди, его люди не более психологичны, чем облака... Пейзажем он пишет своего героя, облаками рассказывает его прошлое, дождем изображает его слезы» [4].

В 39-м – 41-м абзацах существенное значение имеют наименования реаллий окружающей действительности, контекстуально противопоставленные в восприятии Гурова. С одной стороны, морозы, снег, липы, березы, иней, звон

колоколов, газеты, рестораны, обеды, клубы, юбилеи (*приятно видеть, ближе к сердцу, тянуло, лестно*), с другой стороны, кипарисы, пальмы, горы, море, недавняя поездка и места, в которых он был (*не хочется думать, уте- рjali все очарование*).

Эмоциональное состояние персонажей в некоторой степени передается через их отношение к обстановке, вещам. Так, в 48-м абзаце появляется лексика, называющая детали обстановки номера в гостинице. Тоскливое впечатление создается повторением цветового обозначения: *серое сукно; серая от пыли чернильница; постель, покрытая дешевым, серым, точно больничным одеялом*.

Следующий абзац содержит еще одну номинацию конкретного предмета – забор (*серый, длинный, с гвоздями*). Далее косвенно выражается эмоциональное восприятие этой детали: *проклятый забор, от такого забора убежишь* (предикат движения приобретает в тексте значение указания на желание изменить жизнь). О такой детали, как серый забор с гвоздями, повторяющейся от рассказа к рассказу («Воры», «Палата № 6», «Невеста»), Л.П. Громов замечает, что «если деталь повторяется так настойчиво, столько раз, то это не случайность, а система художественного («синтетического») образа, имеющего глубокий идейный смысл: разобщение, отъединение, преграда, забор, стена – между любящими друг друга людьми, между людьми вообще, между всеми людьми и волей» [5]. В.Б. Катаев считает, что «чеховские символы раздвигают горизонты, но не уводят от земного... Сама степень освоения, осмысления бытового в произведениях Чехова такова, что в них просвечивает бытийное, общее и вечное» [6].

Рассмотренные тематические группы слов занимают в рассказе позиции субъектов. Центральной оказалась группа обозначений двух главных действующих лиц. Значимы в лексической структуре текста номинации чувств, частей тела, реалий окружающего мира.

Предикатная система этого рассказа очень сложна и многообразна. Семантическая связность текста осуществляется через тематическую группу обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления. Лексемы с таким значением буквально пронизывают текст рассказа.

Персонажи могут существовать в едином эмоциональном поле: одинаково взволнованы встречей в театре Гуров и Анна Сергеевна. Употребляются различные лексемы со значением внешнего проявления душевного состояния. Так, с номинациями Гурова соединяются предикаты речи (*сказал дрожащим голосом, улыбаясь насильно; проговорил вполголоса, торопясь*) и предикаты эмоционального жеста (*привлек к себе и стал целовать*); с номинациями Анны Сергеевны соединяются предикаты зрительного восприятия (*взглянула с ужасом; глядела со страхом, с мольбой, с любовью, глядела пристально; все оглядываясь*) и предикаты физиологического состояния (*побледнела, тяжело дыша, бледная*). Единство состояния героев передается и предикатами, соединяющимися с их совместными обозначениями: *оба молчали, оба шли бестолково*.

Интересны две ситуации, в которых существует противопоставление предикатов, при номинациях Гурова и предикатов, при обозначениях Анны Сергеевны. По-разному отнеслись герои к случившемуся в номере гостиницы. В отношении героини употребляются слова, описывающие ее душевное состояние («Анна Сергеевна задумалась, была трогательная, у нее было нехорошо на душе»). А в отношении Гурова особенно показательны предикаты конкретных действий: *отрезал лопот (арбуза), стал есть не спеша*: «Гурову было уже скучно слушать, его раздражал наивный тон, это покаяние, такое неожиданное и неуместное».

Заключительная сцена в номере «Славянского базара» характеризуется такими предикатами: *она была бледна, не улыбалась, не могла говорить, так как плакала – он пил чай*.

Однако нужно отметить, что за одинаковым формальным выражением скрывается все же разное содержание: отношения героев изменились от духовной разобщенности к близости, интимности, непринужденной сердечности.

Языковые средства, обозначающие эмоциональное состояние и его внешнее проявление во взгляде, мимике, жестах, тесно связаны с лексикой других тематических групп.

Как отмечает С.М. Антонова, «внутренний мир человека – это его эмоции, физическое состояние, интеллект. И постольку, поскольку речь раскрывает результаты интеллектуальной и эмоциональной деятельности, она оказывается связанной с этими сферами жизни человека и со способами их языкового воплощения» [7].

Особую значимость в организации текста произведения имеют предикаты речи. Если в определенной ситуации рассказа сосуществуют два персонажа, то основным видом их деятельности, как правило, является речевая. На лексическом уровне это находит свое выражение в предикатах речи, соединяющихся с номинациями персонажей, и существительных с тем же значением.

Глаголы речи, а также обстоятельства, относящиеся к ним, наряду с другими средствами передают смену чувств героя от спокойного состояния (трижды в 18-м, 25-м и 26-м абзацах встречается с речевым предикатом наречие *тихо*, в 26-м абзаце появляется наречие *ласково*. Даже глагол *бормотал* в 25-м абзаце не характеризует состояние растерянности, а скорее некоторой степени раздражения) к тревоге, неуверенности в 60-м и 63-м абзаце. Предикаты речи, соединяющиеся с номинациями героини, выполняют функцию передачи эмоционального состояния лишь в 15-м и 16-м абзацах (*много говорила, и вопросы были отрывисты, и тотчас же забывала, о чем спрашивала, уже молчала, не ответила*), в остальных же ситуациях глаголы речи выполняют лишь свою прямую функцию обозначения процесса говорения.

Во фрагментах текста, где упоминается один персонаж, особенно существенными становятся предикаты мыслительной деятельности. Можно сказать, что человек продолжает вести разговор, но теперь уже с самим собой. Так, во 2-м абзаце обращает на себя внимание предикат мышления *соображал* («... не лишне познакомиться с ней...»), говорящий об отсутствии у Гурова эмоций по отношению к Анне Сергеевне.

«Уже сама интонация гуровских мыслей многое рисует в его облике, придает завязывающемуся роману характер курортного знакомства. Этому впечатлению способствует и на редкость точное: «соображал Гуров», он не мечтает, не ожидает, не надеется, а именно соображает – спокойно, рассудительно, деловито» [8]. В 3-й главе значимы предикаты *думал* и *мечтал*.

Относительно большое количество в тексте предикатов мыслительной деятельности говорит о том, что к осознанию невозможности так жить дальше герои приходят в результате размышлений.

Предикаты речи и предикаты мыслительной деятельности имеют фактически сквозной характер распространения в тексте, полутно они могут характеризовать эмоциональное состояние персонажа сами по себе или посредством обстоятельств, относящихся к ним. В рассказе наблюдается довольно четкое чередование фрагментов текста с преобладанием то одних, то других предикатов.

Немалую роль в изображении эмоций играют предикаты зрительного восприятия. Среди предикатов, относящихся к номинациям Гурова, выделяются как бы этапные: *пристально поглядел* (оценивая возможность сближения); *пугливо огляделся* (не видел ли кто, как он обнял и поцеловал Анну Сергеевну); *закрывши глаза, видел*; *жадно искал глазами*.

Настроение героини находит выражение в следующих сочетаниях: *взглянула и тотчас же опустила глаза* (9-й абзац), *глаза блестели* (15-й абзац),

глаза наполнились слезами (23-й абзац), *слезы на глазах* (24-й абзац), *неподвижные, испуганные глаза* (26-й абзац), *взглянула с ужасом, не веря глазам* (61-й абзац), *глядела со страхом, с мольбой, с любовью, глядела пристально* (64-й абзац).

Сквозной способ распределения в тексте является характерным и для предикатов движения. Лексемы со значением движения тоже являются средством опосредованной передачи душевного состояния, могут передавать ощущение невозможности что-либо изменить в своей жизни.

Так, в 23-м абзаце обращают на себя внимание предикаты движения, которые (это довольно частое явление в произведениях А.П. Чехова) связаны с характеристикой душевного состояния человека, неудовлетворенного своей жизнью. «...Я уже не могла владеть собой, со мной что-то делалось, меня нельзя было удержать ... поехала сюда ... И здесь все ходила, как в угаре, как безумная».

Таким образом, перечисленные лексико-тематические группы взаимосвязаны, направлены в конечном итоге на воссоздание душевного состояния человека.

Эмоциональное состояние персонажа может передаваться сочетанием лексем с разной семантикой в одном абзаце. Например, 45-й – 46-й абзацы передают душевное состояние раздражения, непонятного беспокойства, все усиливающегося. Во-первых, это эмоционально-оценочные эпитеты: *унизительные нечистые слова, дикие нравы, неинтересные, незаметные дни, бесплодные ночи, ненужные дела, куцая, бескрылая жизнь, чепуха*. Во-вторых, тематическая группа обозначений физического состояния: *не спал всю ночь, головная боль, спал дурно, не хотелось никуда идти, ни о чем говорить*. В-третьих, дважды повторяется лексема *надоест* (*дети надоели, банк надоел*). В-четвертых, обозначения внешнего проявления беспокойства: *сидел и думал, а также предикаты движения: ходил из угла в угол, долго ходил по комнате, уехал в С*.

Итак, основу предикатной системы составляют предикаты, выражающие душевное состояние и обозначающие внешнее проявление эмоций. Немалую роль в воссоздании настроения героев играют и предикаты речи, мышления, зрительного восприятия, движения. Можно говорить о более или менее постоянном тематическом составе лексики на протяжении всего текста. Несколько лексико-тематических групп являются особенно значимыми. Эти группы участвуют в создании своеобразной лексико-семантической структуры рассказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С. 8.
2. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. – Л., 1977. – С. 273.
3. *Тюпа В.И.* Художественность чеховского рассказа. – М., 1989. – С. 39.
4. *Громов М.* Чехов. – М., 1993. – С. 338.
5. *Громов Л.П.* Повествование Чехова как художественная система / Современные проблемы литературоведения и языкознания. – М., 1974. – С. 311.
6. *Катаев В.Б.* Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. – М., 1998. – С. 57.
7. *Антонова С.М.* Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации. – Гродно, 2003. – С. 154.
8. *Паперный Э.* А.П. Чехов. Очерк творчества. – М., 1960. – С. 221.

S U M M A R Y

The article is devoted to the problem of the lexical structure of a prosaic work of fiction.

Поступила в редакцию 11.04.2005